
РЕЦЕНЗИИ, ХРОНИКА, ИНФОРМАЦИЯ

УДК 353(47):5)(091)

DOI: <https://doi.org/10.17308/geo/1609-0683/2025/4/153-159>

ISSN 1609-0683

Трансформация системы территориального управления национальными окраинами Китая в первой половине XX в. (на примере адаптивности монгольских властных институтов Шилин-Гола)

П. Н. Дудин¹✉, К. Ю. Базаров²

¹Институт монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, Российская Федерация
(670047, г. Улан-Удэ, ул. Сахьяновой, 6)

²Тихоокеанский институт географии ДВО РАН, Российская Федерация
(690041, г. Владивосток, ул. Радио, 7)

Аннотация. Цель – анализ трансформации системы территориального управления национальными окраинами Китая в первой половине XX в., на примере адаптивности монгольских властных институтов сейма (ныне аймака) Шилин-Гол с реконструкцией административно-территориального устройства и выявлением механизмов адаптации традиционных форм управления в условиях меняющейся политической конъюнктуры.

Материалы и методы. Работа базируется на анализе двух групп источников: текстовых, основу которой составили труды наших выдающихся соотечественников – востоковедов и путешественников З. Л. Матусовского, П. С. Попова, А. М. Баранова и А. В. Маракуева, а также картографических, составление которых осуществили не менее выдающиеся исследователи – первый российский посланник во Внешней Монголии И. Я. Коростовец и первый военный министр колчаковского правительства В. И. Сурин. Междисциплинарный подход позволил создать геоинформационную систему, объединившую ретроспективные данные с современной информацией, что обеспечило комплексность изучения исследуемой территории.

Результаты и обсуждение. Анализ источников показал сложную родовую структуру управления Шилин-Голом в позднеимперский период маньчжурского правления в Китае и последующую череду смен статуса – в период Китайской Республики Шилин-Гол сначала вошел в состав провинции Чахар, а после установления японского контроля стал административно-территориальной единицей государства Мэнцзян. Исследование выявило сохранение до настоящего времени традиционных форм организации управления на местном уровне (аймачно-хошунный принцип), несмотря на изменения административного статуса региона.

Выводы. Шилин-Гол демонстрирует уникальный пример адаптации традиционных монгольских институтов управления к меняющимся политическим реалиям. Сохранение как большинства его хошунов, так и самого Шилин-Гола, пусть и с измененным статусом, свидетельствует об устойчивости и гибкости традиционных структур. Опыт Шилин-Гола актуален для понимания современных процессов управления этническим и культурным разнообразием, взаимодействия центральной власти и местных элит, а также поиска эффективных моделей территориального управления в многонациональных государствах. Изучение этого опыта приобретает особую значимость в контексте развития сотрудничества России и Китая.

Ключевые слова: Шилин-Гол (Силин-гол), Внутренняя Монголия, традиционные институты управления, административно-территориальное устройство, территориальная организация, Китай, хошуны/аймаки/сеймы.

Источник финансирования: исследование выполнено за счет гранта Российского научного фонда № 22-68-00054, <https://rscf.ru/project/22-68-00054>.

Для цитирования: Дудин П. Н., Базаров К. Ю. Трансформация системы территориального управления национальными окраинами Китая в первой половине XX в. (на примере адаптивности монгольских властных институтов Шилин-Гола) // Вестник Воронежского государственного университета. Серия: География. Геоэкология, 2025, № 4, с. 153-159. DOI: <https://doi.org/10.17308/geo/1609-0683/2025/4/153-159>

ВВЕДЕНИЕ

Монгольские земли в первой половине XX в. переживают череду трансформаций их юридических статусов, в результате чего, сначала, на фоне распада империи Цин, на международной арене появляется новое государство – Внешняя Монголия/МНР, затем ее примеру пытаются следовать Барга, и наконец, в 1930-1940-е гг.

этот же путь, от автономии к суверенитету, проделывает Внутренняя Монголия. Но если Внешняя Монголия/МНР и Барга сохранили свою территориальную целостность, то пространство Внутренней Монголии претерпело серьезные изменения: в 1914 г. оно было разделено на три особых административных района, а в 1928 г. эти районы были преобразованы в типичные

© Дудин П. Н., Базаров К. Ю., 2025

✉ Дудин Павел Николаевич, e-mail: dudin2pavel@gmail.com

Контент доступен под лицензией Creative Commons Attribution 4.0 License.

китайские провинции. При этом древняя система управления через хошуны (мелкие княжества), аймаки (их родовые объединения) и сеймы (особые властные институты, объединявшие в эпоху империи Цин по несколько аймаков) переставала отвечать запросам новых республиканских властей Китая, пытавшихся выстроить монолитную государственность [3, 4], где идея многонациональности (пять наций: ханьцы, маньчжуры, монголы, тибетцы и мусульмане) на практике не подкреплялась ни нормативно, ни институционально. В результате с политической карты Китая навсегда исчезли Чжеримский, Чжоудаский и Чжосотуский сеймы, земли которых были поделены между автономным районом Внутренней Монголией (возник в 1947 г.) и провинциями Хэйлунцзян, Цзилинь, Ляонин и Хэбэй.

Однако один сейм, Шилин-Гол/Силин-Гол, не только сохранил свое название, но и фактически остался в своих исконных границах, изменив лишь статус – сегодня это не сейм, а аймак в составе двух городских уездов, одного уезда и девяти хошунов (рис. 1).

Изучение его уникальной территориальной организации для востоковедов широкого профиля имеет важное значение, поскольку помогает понять, как традиционные институты управления адаптируются в рамках современного государства. Сохранившиеся в этих районах хошуны – традиционные административные единицы монгольских кочевников – не только продолжают традицию местной культурной идентич-

ности и самобытности, но и демонстрируют высокий уровень адаптивности и эффективности на фоне того, как Китай синтезирует этнические и культурные особенности национальных окраин со своей исконно централизованной административной системой управления страной. Такой симбиоз современных и традиционных форм управления представляет интерес не только для этнографов и антропологов, историков, политологов и юристов, но и для представителей негуманитарных наук, поскольку позволяет посредством визуализации исследуемого пространства сформировать представление о трансформациях кочевых и полукочевых обществ в условиях урбанизации и глобализации.

Таким образом, Шилин-Гол как объект исследования и адаптивность его системы территориального управления как предмет настоящей статьи представляют собой политico-правовую модель для изучения механизмов устойчивого этнического управления, культурной адаптации и сохранения традиционного уклада жизни в условиях современных глобальных процессов.

МАТЕРИАЛЫ И МЕТОДЫ

В распоряжении авторов имеются 2 группы источников исследования.

Во-первых, это текстовый материал, описывающий исследуемое пространство и позволяющий путем сопоставления исследовать интересующие нас территориальные преобразования и трансформацию юридических статусов. Первые географические описания

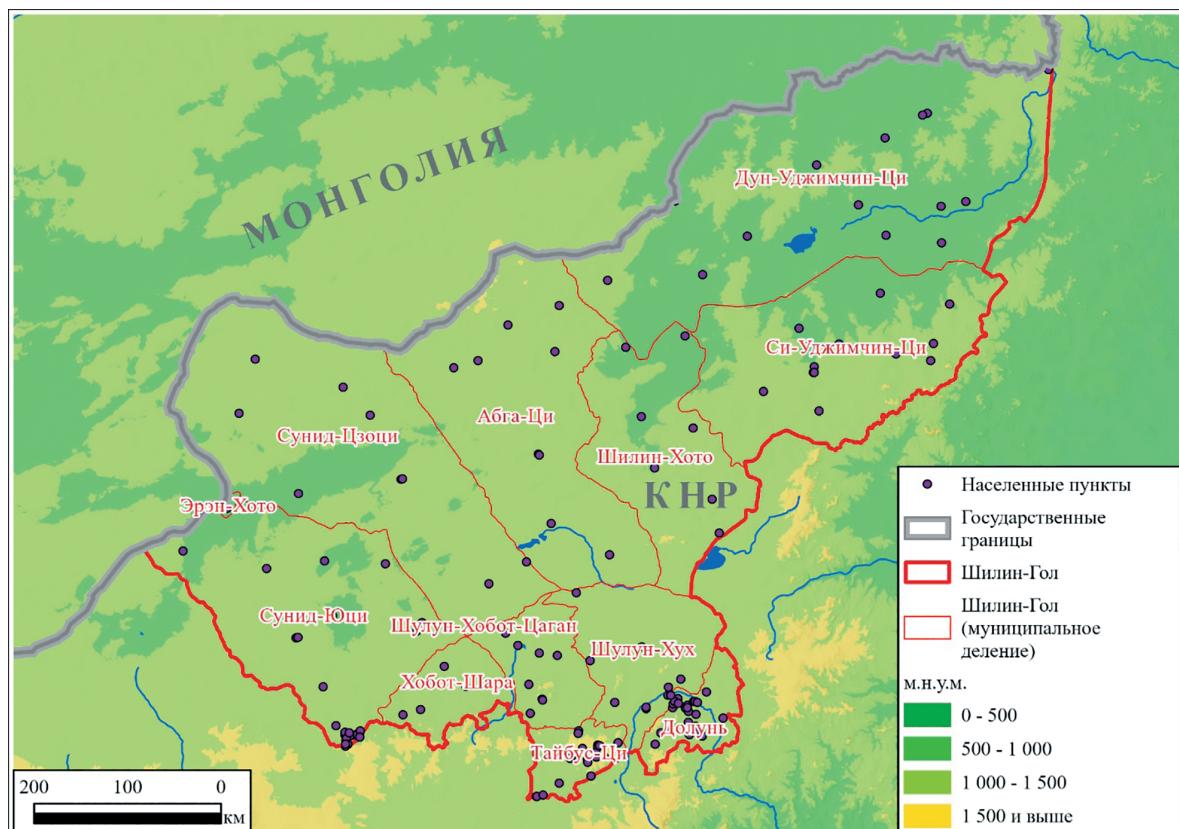

Рис. 1. Современное административно-территориальное деление аймака Шилин-Гол

[Fig. 1. The modern administrative-territorial division of the Shiliin-Gol aimag]

Шилин-Гольского сейма на русском языке даны в работе известного путешественника З.Л. Матусовского «Географическое обозрение Китайской империи» [2, 5]. Второй источник – труд известного синолога, П.С. Попова «Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях / [Чжан-му и Хэ-цю-тао]», представляющая собой перевод труда 1867 г. аналогичного названия двух китайских ученых, Чжан Му по прозвищу Ши Чжоу, и Хэ Цитао [11].

Во-вторых, это ряд ретроспективных карт, с помощью которых можно визуально отследить трансформацию пространства и состояния Шилин-Гола до середины XX века. Первый источник – карты, подготовленные по заданию Генерального Штаба офицерами Заамурского округа Отдельного корпуса Пограничной стражи и выпущенные в 1906-1909 гг. в виде сборников различного объема с грифом секретности под названием «Материалы по Маньчжурии и Монголии»/«Материалы по Маньчжурии, Монголии и Китаю»/«Материалы по Маньчжурии, Монголии, Китаю и Японии», в выпусксе 4 (Монголия. Краткие..., 1906, С. 15) [10] и 16 (Северо-Восточные..., 1907, с. 151) [12], где впервые показано расположение как самого Шилин-Гольского сейма, так и его аймаков. Второй источник – карта И.Я. Коростовца, представляющая собой подробную административную карту Барги, Внешней и Внутренней Монголии [7], на которой Внутренняя Монголия впервые представлена как целостное политическое пространство с прорисованными границами и основными составными частями – хошунами (княжествами). Третий источник – «Карта Монголии», изданная под общим руководством В.И. Сурина Коммерческой частью и Экономическим Бюро К.В. ж.д. в 1925 г. [6]. Данная карта – единственный в своем роде источник, сохранивший подробные данные о составе всех монгольских земель: Халхи/Внешней Монголии/МНР, Внутренней Монголии и Барги. Документ отображает детальную информацию о сразу двух видах/типах административного устройства – монгольской и ханьской («хошун-аймак-сейм» и «уезд-провинция»). Все объекты монгольской административной системы поименованы, в отличии от китайской, где названия указаны лишь для провинций. Большинство хошунов, особенно небольшого размера, обозначены цифровой.

Весь архивный картографический материал, используемый в работе, был переведен в геоинформационный формат средствами программного комплекса ArcGIS 3.0.1 – прошел процедуру пространственной привязки; был сформирован ГИС-проект, включающий в себя, помимо ретроспективных данных, векторные и растровые слои, описывающие рельеф исследуемой территории, современное административное устройство, данные о транспортных путях, населенных пунктах и т.д.

Методологическую основу проведенного исследования составили информационный подход в совокупности с картографическими методами исследований на базе геоинформационных технологий, а также про-

блемно-хронологический поход, принцип историзма, метод периодизации, ретроспективный метод, идеографический, или описательно-повествовательный, метод, нарративный подход, сравнительно-исторический метод и историко-системный методы

РЕЗУЛЬТАТЫ И ОБСУЖДЕНИЕ

В исследуемую эпоху (первая половина XX в.) Шилин-Гол представлял собой административно-территориальную единицу со статусом сейма в составе автономного государства Внутренней Монголии, входившей с 1636 по 1912 гг. в состав империи Цин, а после ее распада – в состав Китайской Республики (1912-1949 гг.). Сейм состоял из 5 аймаков, каждый из которых включал в себя по 2 хошуна (княжества), которыми управляли назначаемые из Пекина князья – дзасаки/чжасаки, представители различных ветвей рода Чингисхана.

Описание Шилин-Гола в позднеимперскую эпоху можно найти в двух ключевых для нашего исследования изданиях. Так в разделе «Монголия» работы З.Л. Матусовского «Географическое обозрение Китайской империи» [2] давалось полное и подробное перечисление всех сеймов, аймаков и хошунов и их географическое описание, включая Шилин-Гол (именуемый «Силин-гол») и его хошунов, с небольшой характеристикой эскадронного (сомонного) состава и местами кочевий. Идентификация хошунов на правое и левое крылья отсутствует, что не позволяет соотнести их с данными карты И.Я. Коростовца и В.И. Сурина.

В свою очередь, четвертый раздел книги «Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях / [Чжан-му и Хэ-цю-тао]» называется «Кочевья внутренних Монголов Шилин-голского сейма», включает 5 подразделов, соответствующих пяти аймакам (дословно): Учжумуцинский аймак, Хаоцитский (Хучитский) аймак, Сунитский аймак, Абагаский аймак и Абаганарский аймак. Общего описания сеймовой территории нет, лишь оговорка о том, что «место сейма находится на границе левого Абагаского и левого же Абаганарского крыльев». В первых двух абзацах каждого из подразделов работа содержит характеристику каждого аймака (расстояние от важнейших городов и других населенных пунктов, протяженность границ и соседние аймаки и т.п. и историческую справку). Далее следует описание каждого из хошунов, именуемых знаменами: титул дзасака (князя), история образования хошуна, административно-территориальное деление (количество рот – сомонов), перечисление рек, географическое положение, размещение ставки (резиденции) дзасака [11]. Идентификация хошунов на правое и левое крылья позволяет без труда соотнести их с данными карты И.Я. Коростовца и В.И. Сурина, а схожесть названий, используемых П.С. Поповым и З.Л. Матусовским, позволяет соотнести их и с данными из этих источников.

Визуализировать исследуемый нами этап в истории Шилин-Гола впервые удалось на уникальных картах, помещенных в «Материалы по Маньчжурии и Монголии»/«Материалы по Маньчжурии, Монголии и

Китаю»/«Материалы по Маньчжурии, Монголии, Китаю и Японии» [10, 12]. Добавим, что выпуск 1 этой серии [9] содержит некоторые сведения и о Шилин-Голе, в том числе и перечень его хошунов.

Что касается периода Китайской Республики (1912–1949), то в интересующую нас эпоху сведения о Шилин-Голе дает известный исследователь, сотрудник Торгового представительства СССР в МНР Александр Владимирович Маракуев (1891–1955) в своей работе «Внутренняя Монголия» [8]. Шилин-Гольский сейм в этот период времени входит в состав провинции Чахар, которая сначала как особый административный район возникает в 1914 г. и включает в себя, помимо сеймовых земель (Селинь-гол-лэ-мынь), бывшие земли чахарских знаменных (бесхошунных) монголов и пастбищного управления (Цзюй-най-шу-мын-чи-цзы-гэ-му-чан), а также китайские уезды, объединенные в округ Синхэ-дао.

В свою очередь, хошунно-аймачную организацию этой территории можно исследовать благодаря работе Э.Л. Теслера «Уцзумучин», опубликованной в «Вестнике Маньчжурии» в 1934 г. [13].

Наиболее драматичный этап и в истории Внутренней Монголии Новейшего времени, и в истории современного Шилин-Гола – период японского присутствия на континенте, когда сначала как автономия в составе Китайской Республики (1934–1937), затем – как авто-

номное Монгольское государство (Монгол-Го, 1937–1939), претендующее на независимость (и на короткий миг получившее ее осенью 1939 г. – весной 1940 г.), и наконец – как автономия в составе альтернативной Китайской Республики под управлением Ван Цзинвэя эта полития под названием Мэнцзян оказалась запечатлена и на карте в уникальном военном справочном издании под названием «Мынцзян» с приложением ряда схем органов государственной власти и сеймово-хошунной организации [1]. Отметим, что и на этой карте Шилин-Гол – цельное политическое пространство, границы и очертания которого совпадают с границами и очертаниями на упомянутых выше картах (рис. 2).

ЗАКЛЮЧЕНИЕ

Исследование административно-территориального устройства национальных регионов КНР на примере Шилин-Гола в первой половине XX в. продемонстрировало сложный и многоаспектный процесс трансформации традиционной монгольской системы управления в условиях меняющейся политической обстановки. Выбранный нами хронологический отрезок времени – период, насыщенный политическими событиями глобального характера, которые оказали воздействие не только на северо-восточный сегмент Восточной Азии, но и на весь Азиатский континент. Значимость полученных данных в том, что затрагиваемые в насто-

Рис. 2. Шилин-Гол на схеме административного деления Мынцзяна, 1944 г.

[Fig. 2. Shilin-Gol in the scheme of administrative division of Mengjiang, 1944]

ящей статье процессы подвергались визуализации, что позволяет современным исследователям осуществить их реконструкцию.

В результате проведенной работы, анализ текстовых и картографических источников дал возможность реконструировать структуру сейма, аймаков и хошунов, а также проследить динамику их развития от позднего цинского периода до периода японского присутствия и провозглашения КНР осенью 1949 г.

Внешние границы Шилин-Гола сохраняли удивительную стабильность в течение рассматриваемого периода и их актуальный вид практически полностью совпадает с историческим, за исключением южной части – к землям современного аймака относится часть северных территорий бывшего аймака Чахар. В административно-территориальном отношении бывший сейм (в границах, задокументированных на карте В. И. Сурина, 1925 г.) ныне разделен на хошуны Абга-Ци (39694,3 км²), Дун-Уджимчин-Ци (66749,8 км²), Си-Уджимчин-Ци (46926,1 км²), Сунид-Цзоци (63740,4 км²), Сунид-Юци (35079,8 км²), Хобот-Шара (134,4 км²), Шулун-Хобот-Цаган (10,5 км²), Шулун-Хух (115,5 км²) и два городских уезда – Шилин-Хото (27888,2 км²) и Эрэн-Хото (353,4 км²).

Несмотря на череду политических преобразований и изменения статуса региона, традиционные формы управления, адаптируясь к новым условиям, сохранились на местном уровне до настоящего времени. Шилин-Гол, пройдя через этапы включения в состав провинции Чахар и пережив период японского вмешательства, демонстрирует уникальный пример устойчивости и гибкости традиционных институтов власти в условиях модернизации и внешнего давления. Этот опыт актуален и для понимания современных процессов управления этническим и культурным разнообразием в Китае.

Изучение исторического опыта взаимодействия центральной власти и местных элит, адаптации традиционных обществ к современным политическим реалиям приобретает особую значимость в контексте «поворота России на Восток» и развития всестороннего сотрудничества с Китаем.

Междисциплинарный подход, объединяющий исторические, политологические, географические и другие методы исследования, позволяет получить более полное представление о сложных процессах транс-

формации общества и выработать эффективные модели межкультурного диалога и сотрудничества. Опыт Шилин-Гола служит примером для изучения и поиска оптимальных стратегий управления многонациональными регионами в условиях глобализации.

СПИСОК ЛИТЕРАТУРЫ

1. Бенфельд А. С. *Мынцэн*. Чита, 1944. 313 с.
2. *Географическое обозрение Китайской империи: с карт. на 4 л. и 5 прил. в тексте / соч. З. Матусовского*. Санкт-Петербург: типография Императорской Академии наук, 1888. [4], XX, 358, [2], 87 с., 1 л. карт.
3. Дудин П. Н. *Государственность Внутренней Монголии в конце XIX – первой половине XX вв.*: дис. док. ист. наук. Улан-Удэ, 2020, т. 1. 340 с.
4. Дудин П. Н., Бешенцев А. Н., Базаров К. Ю. Традиционные институты публичной власти на монгольских землях имперского и республиканского Китая на слом эпох (первая четверть XX в.): пространственная локализация и визуализация // *Oriental Studies*, 2023, т. 16, № 2, с. 293-312.
5. *Карта Китайской империи 102 X 126 см / сост.: З. Матусовский, Э. Бретшнейдер*. Санкт-Петербург: Картографическое заведение А. Ильина, 1900. 1 л.
6. *Карта Монголии 1925 г.* – URL: <https://maps.southklad.ru/forum/viewtopic.php?t=644> (дата обращения: 12.10.2024). – Текст: электронный.
7. *Карта Монголии XIX-XX.* – URL: <https://maps.southklad.ru/forum/viewtopic.php?t=4476> (дата обращения: 17.10.2024). – Текст: электронный.
8. Маракуев А. В. Внутренняя Монголия // *Вестник Маньчжурии*, № 8, 1927, с. 35-47.
9. Монголия. Джеримский сейм / сост. Заамурского округа поручик Коншин-Харбин // *Материалы по Маньчжурии и Монголии. Выпуск первый*, 1906. 75 с.
10. Монголия. Краткие сведения о политическом состоянии Монголии // *Материалы по Маньчжурии и Монголии. Выпуск четвертый*, 1906, 13 с., 1 л. карты.
11. *Мэн-гу-ю-му-цзи. Записки о монгольских кочевьях / Чжан-му и Хэ-цио-тоа;* перевод с китайского П. С. Попова. Санкт-Петербург: Паровая скоропечатня П. О. Яблонского, 1895, VII, 487, 92, VIII с.
12. *Северо-Восточные сеймы Монголии / Материалы по Маньчжурии и Монголии. Выпуск шестнадцатый*, 1907, в. 138, [1] с., [8] л. карт., сх.
13. Теслер Э. Л. Уцумучин // *Вестник Маньчжурии*, 1934, № 1, с. 95-101.

Конфликт интересов: Авторы декларируют отсутствие явных и потенциальных конфликтов интересов, связанных с публикацией настоящей статьи.

Поступила в редакцию: 22.11.2024
Принята к публикации: 25.11.2025

THE REVIEWS, CHRONICLES, DATA

UDC 353(47):5)(091)

ISSN 1609-0683

DOI: <https://doi.org/10.17308/geo/1609-0683/2025/4/153-159>

The Transformation of the Territorial Management System of China's National Provinces in the First Half of the 20th Century (Using the Example of the Adaptability of the Mongolian Power Institutions in the Shilin-Gol)

P. N. Dudin¹✉, K. Yu. Bazarov²

¹*The Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the SB of the RAS, Russian Federation
(6, Sakhyanovoi Str., Ulan-Ude, 670047)*

²*The Pacific Geography Institute of the FEB of the RAS, Russian Federation
(7, Radio Str., Vladivostok, 690041)*

Abstract. The purpose is to analyze the transformation of the territorial management system of the national outskirts of China in the first half of the 20th century, using the example of the adaptability of the Mongolian government institutions of the Seimas [historical league/chuulgan] (now aimag) of Shilin-Gol with the reconstruction of the administrative-territorial structure and the identification of mechanisms for adapting traditional forms of government in a changing political environment.

Materials and methods. The work is based on the analysis of two groups of sources: textual, based on the works of our outstanding compatriots – orientalists and travelers Z. L. Matusovsky, P. S. Popov, A. M. Baranov and A. V. Marakuev, as well as cartographic, compiled by no less outstanding researchers I. Ya. Korostovets – the first Russian envoy to Outer Mongolia and V. I. Surin – the first Minister of War of the Kolchak government. The interdisciplinary approach made it possible to create a geoinformation system that combined retrospective data with up-to-date information, which ensured the complexity of the area study.

Results and discussion. The analysis of the sources showed the complex tribal structure of the administration of Shilin Gol in the late Imperial period of Manchu rule in China and the subsequent series of status changes - during the period of the Republic of China, Shilin Gol first became part of Chahar Province, and after the establishment of Japanese control it became an administrative-territorial unit of the Mengjiang state. The study revealed the preservation to date of traditional forms of management organization at the local level (aimag-khoshun principle), despite changes in the administrative status of the region.

Conclusions. Shilin-Gol demonstrates a unique example of the adaptation of traditional Mongolian governance institutions to changing political realities. The preservation of both the majority of its khoshuns and Shilin Gol itself, albeit with a changed status, testifies to the stability and flexibility of traditional structures. Shilin-Gol's experience is relevant for understanding modern processes of managing ethnic and cultural diversity, interaction between central government and local elites, as well as the search for effective models of territorial governance in multinational states. The study of this experience is of particular importance in the context of the development of cooperation between Russia and China.

Key words: Shilin Gol (Silin Gol), Inner Mongolia, traditional management institutions, administrative and territorial structure, territorial organization, China, khoshuns/aimags/Seimas.

Funding: the research was carried out at the expense of a grant from the Russian Science Foundation No. 22-68-00054, <https://rscf.ru/project/22-68-00054>.

For citation: Dudin P. N., Bazarov K. Yu. The Transformation of the Territorial Management System of China's National Provinces in the First Half of the 20th Century (Using the Example of the Adaptability of the Mongolian Power Institutions in the Shilin-Gol). *Vestnik Voronezhskogo gosudarstvennogo universiteta. Seria: Geografia. Geoekologiya*, 2025, no. 4, pp. 153-159. (In Russ.) DOI: <https://doi.org/10.17308/geo/1609-0683/2025/4/153-159>

REFERENCES

1. Benfel'd A. S. *Mynczyan* [Ming Jiang]. Chita, 1944. 313 p. (In Russ.)
2. *Geograficheskoe obozrenie Kitajskoj imperii* [Geographical overview of the Chinese Empire]: s kart. na 4 l. i 5 pril. v tekste / soch. Z. Matusovskogo. Saint-Petersburg: tipografija Imperatorskoj Akademii nauk, 1888, [4], XX, 358, [2], 87 p., 1 l. kart. (In Russ.)
3. Dudin P. N. *Gosudarstvennost' Vnutrennej Mongolii v konc XIX – pervoj polovine XX vv.* [The statehood of Inner Mongolia at the end of the XIX – first half of the XX centuries]: dis. ... dok. ist. nauk. Ulan-Ude, 2020, t. 1. 340 p. (In Russ.)
4. Dudin P. N., Beshencev A. N., Bazarov K. Yu. Tradicionnye instituty publichnoj vlasti na mongol'skih zemlyah imperskogo i respublikanskogo Kitaya na slom epoh (pervaya chetvert' XX v.): prostranstvennaya lokalizaciya i vizualizaciya [Traditional in-

stitutions of public power in the Mongolian lands of Imperial and Republican China for the scrapping of epochs (the first quarter of the twentieth century): spatial localization and visualization]. *Oriental Studies*, 2023, vol. 16, no 2. pp. 293-312. (In Russ.)

5. *Karta Kitajskoj imperii 102 X 126 sm* [Map of the Chinese Han Empire 102 X 126 cm] / sost.: Z. Matusovskij, Je. Bretshnejer. Saint-Petersburg: Kartograficheskoe zavedenie A. Il'ina, 1900. 1 l. (In Russ.)

6. *Map of Mongolia 1925* – URL: <https://maps.southklad.ru/forum/viewtopic.php?t=644> (accessed 12.10.2024). – Text: electronic. (In Russ.)

7. *Map of Mongolia XIX-XX.* – URL: <https://maps.southklad.ru/forum/viewtopic.php?t=4476> (accessed 17.10.2024). – Text: electronic. (In Russ.)

8. Marakuev A.V. *Vnutrennyaya Mongoliya* [Inner Mongolia]. *Vestnik Man'chzhurii*, 1927, no. 8, pp. 35-47. (In Russ.)

9. Mongoliya. Dzherimskij sejm [Mongolia. Jerimsky Sejm] / sost. Zaamurskogo okruga poruchik Konshin-Harbin. *Materialy po Man'chzhurii i Mongoliu. Vypusk pervyyj*, 1906. 75 p. (In Russ.)

10. Mongoliya. Kratkie svedeniya o politicheskem sostoyaniyu Mongolii [Mongolia. Brief information about the political state of Mongolia]. *Materialy po Man'chzhurii i Mongoliu. Vy-pusk chetyertyj*, 1906.13 p., 1 l. karty. (In Russ.)

11. *Men-gu-yu-mu-czi. Zapiski o mongol'skih kochev'yah* [Meng-gu-yu-mu-ji. Notes on Mongolian nomads]/ perevod s kitajskogo P.S. Popova. Saint-Petersburg: Parovaya skoropechatnaya P.O. Yablonskogo, 1895, VII, 487, 92, VIII p. (In Russ.)

12. Severo-Vostochnye sejmy Mongolii [North-Eastern Sejms [leagues] of Mongolia] / *Materialy po Man'chzhurii i Mongoliu. Vy-pusk shestnadcatyj*, 1907, v. 138 [1], p., [8] 1. kart., skh. (In Russ.)

13. Tesler E.L. Uczumuchin [Uzumuchin]. *Vestnik Man'chzhurii*, 1934, no 1. pp. 95-101. (In Russ.)

Conflict of interests: The authors declare no information of obvious and potential conflicts of interest related to the publication of this article.

Received: 22.11.2024

Accepted: 25.11.2025

Дудин Павел Николаевич

Ведущий научный сотрудник, доктор исторических наук, доктор политических наук, доцент Института монголоведения, буддологии и тибетологии СО РАН, г. Улан-Удэ, Российская Федерация, ORCID: 0000-0002-9407-8436, e-mail: dudin2pavel@gmail.com

Базаров Кирилл Юрьевич

Научный сотрудник Информационно-картографического центра Тихоокеанского института географии ДВО РАН, г. Владивосток, Российская Федерация, ORCID: 0000-0001-7308-7096, e-mail: kbazarov@mail.ru

Pavel N. Dudin

Dr. Sci. (History), Dr. Sci. (Politics), Assoc. Prof., Leading Researcher at the Institute for Mongolian, Buddhist and Tibetan Studies of the Siberian Branch of the Russian Academy of Sciences, Ulan-Ude, Russian Federation, ORCID: 0000-0002-9407-8436, e-mail: dudin2pavel@gmail.com

Kirill Yu. Bazarov

Researcher at Information and Cartographic Center of the Pacific Geography Institute of the Far Eastern Branch of the Russian Academy of Sciences, Vladivostok, Russian Federation, ORCID: 0000-0001-7308-7096, e-mail: kbazarov@mail.ru